

ТОМАШ МАСАРИК

**Россия и Европа.
Эссе о духовных течениях в России**

<Фрагмент>

Заключение

Резюме (А)

Титанизм и русская литература

Все русские поэты-мыслители и констатируют и анализируют внутреннее раздвоение, метания русского человека, отдельной личности и общества: философия и наука — религия и церковь; интеллигенция — народ, интеллигент — мужик; Европа — Россия; новая Россия — старая Россия — так или подобным образом звучат формулировки.

От Пушкина до Толстого и Достоевского русские поэты мечтают о цельности, пытаются преодолеть раздвоенность: единство человека, России — так звучит девиз этих поисков, усилий, устремлений, борьбы.

Однако единство невозможно без революции — со старым нужно бороться, его нужно устранить. Нужно ли устранить и то, что ценно и могло бы органически соединиться с новым? А что из нового ценно, настолько ценно, что должно быть отвоевано, даже если ради этого нового приходится пожертвовать старым?

Одни возвращаются в лоно «старого», отказавшись от борьбы: наиболее последователен в этом плане Гоголь, последователен вплоть до принятия старого абсурда. Большинство не идет дальше некоей половинчатости — Пушкин и, собственно, все остальные, за исключением Толстого: Толстой находит в себе смелость полностью отказаться от церковно-религиозной традиции, хотя,

разумеется, тоже лишь теоретически, на практике он не способен освободиться от многих существенно важных старых взглядов.

Примеры здесь — Тургенев, Достоевский, Толстой. Тургенев преодолевает старые церковные взгляды на жизнь и на мир, но только академически, то есть под влиянием европейского университетского образования и жизни в духе европейских передовых воззрений; но старый стиль жизни, старое направление мышления и существования он не преодолел. Тургенев *polens-volens*, скорее *polens**, присоединяется к социально-политической революции.

Половинчатость Достоевского совсем особого рода: скептик и безбожник, он подыскивает все возможные и невозможные аргументы в пользу цезарепапизма, в пользу церковного и государственного абсолютизма; это удивительно изломанная душа. Достоевский видит новую правду, но боится ее, а потому находит в себе смелость лишь хотеть пробраться к этой правде: Достоевский — догматик православного иезуитства.

И только Толстой отваживается вступить на путь, ведущий к свету через правду, становится во главе религиозной революции.

2

Эта русская революция теоретически и практически, философски и нравственно связана с проблемой нигилизма.

В наиболее радикальном понимании нигилизма, как подсказывает и само это слово, — отрицание старого, отрицание *pur et simple***; если Достоевский ставит нигилизм на один уровень с атеизмом, — это еще не точное определение¹. Как словом «теизм» нельзя полностью охарактеризовать все содержание старого мировоззрения и вытекающих из него установлений, так и термин «атеизм» не может представлять собой позитивное содержание нового.

Но это верно в том смысле, что нигилизм и его проблема в конечной инстанции имеют религиозную и философскую или метафизическую основу, поскольку старая русская культура зиждется на церковно-религиозном фундаменте.

Церковно-религиозном, отнюдь не просто религиозном: исторически сложилась русская теократия, тесная связь церкви с государством, проявляющая себя как некая социально-политическая организация.

* Волей-неволей, хочешь-не хочешь (*лат.*).

** Ясное и простое (*фр.*).

Вот почему русская революция не только философская и религиозная, но и социально-политическая: исторически даны именно учение и социальная организация церкви в ее соединении с государственным царизмом.

На практике революция больше обращается против государства, философски и морально больше против церкви, против церковной веры и религиозности; государство защищает церковь своими солдатами и чиновниками, поэтому физически революция обращена против государства, духовно — против религии. Тургенев демонстрирует нам духовную и физическую борьбу нигилистской революции, Толстой ведет духовную борьбу с церковью, но также и с нигилизмом, которому, однако, вопреки собственной воле, помогает и в его физической борьбе, поскольку государство и церковь едины. С полным сознанием этой взаимозависимости анализирует нигилизм и его революцию Достоевский.

Как русские философы и социологи, так и русские поэты сотрясают основы исторической теократической традиции. Фейербах объяснил не только Герцену, но и всем последующим мыслителям связь государства с церковью и политики с религией².

А потому мы также можем сказать, что как русская философия и социология, так и русская поэзия стремятся объяснить основы и значение антропоморфической или социоморфической религии.

3

Битва за Бога, за нового Бога, — это кровавая битва за жизнь: русская литература в своем развитии дает нам глубочайший анализ такой великой жажды жизни; при этом жажда жизни равнозначна бегству от смерти. Бог — жизнь — смерть — так можно в основных девизах обобщить содержание русской литературы. Разумеется, и нерусской тоже.

Поскольку мы уже познакомились с важнейшими представителями русской литературы, я не боюсь возражения, что смерть давно была проблемой философов и теологов, что она вообще является проблемой всего человеческого мышления и что поэтому русская литература не дает ничего нового и необычного. Русские поэты-мыслители обращают наше внимание на смерть в форме самоубийства и убийства: Бог или самоубийство и убийство — такова тревожная дилемма³.

Изучая Россию еще во времена Николая I, Кюстин подчеркивал необычность самоубийств для этой страны: «Люди слишком

сильно страдают, чтобы кончать жизнь самоубийством! Странное состояние человеческой мысли! Если ужас завладевает жизнью человека, он не ищет смерти; он уже знает, что такое смерть»*. Кюстин ссылается на наблюдения Диккенса: среди заключенных, особенно в одиночных камерах, самоубийство — редкое исключение; отчаяние так велико, что ломает характер и энергию**.

Я не собираюсь выяснять, тождественна ли мотивация Кюстина и Диккенса в вопросе, почему люди избегают самоубийства; гораздо важнее тот факт, что в России тридцатых годов француз констатирует необычность самоубийств; во Франции уже тогда самоубийства были нередки, и потому этот факт, естественно, бросился Кюстину в глаза. Однако со времени Кюстина и в России обстоятельства переменялись; статистически можно установить, что склонность к самоубийству в России возрастает довольно быстро и интенсивно, особенно в образованных слоях общества. Историк литературы Скабичевский мимоходом отмечает, что за последние двадцать лет самоубийства молодых людей стали повседневным явлением***. Это замечание характерно для обычной истории литературы: историки подмечают факты, но не подозревают, что речь идет о главной проблеме. Впрочем, еще Шелгунов коснулся этого вопроса, но и он в нем не разобрался****.

Что касается освещения этой проблемы историками литературы, обращаю внимание на Карамзина, который первым изобразил самоубийство в новой, романтически-сентиментальной окраске в повести «Бедная Лиза» (Лиза утопилась); отмечают, будто здесь Карамзин подвергся влиянию «Вертера». Возможно, что-то в этом есть, но вскоре после того, как Карамзин задумывал свою повесть (1791 год), отравился известный мыслитель и философ Радищев (1802 год) и объяснил свою добровольную смерть невыносимыми страданиями окружающих⁴. Для Радищева, который сам испытал ссылку в Сибирь, диагноз Кюстина не подходит.

Самоубийство и его мотивация, начиная с Пушкина, остается постоянной проблемой русских поэтов; но только Достоевский и Толстой уделяют самоубийству серьезное внимание и глубже других понимают его суть.

* *Custin A. La Russie en 1839. Paris. 1843. Т. 4. Р. 135.*

** *Cuistine [A. La Russia en 1839]. III.339*

*** См.: *Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. 1848–1903. СПб., 1903. С. 362.*

**** *[Шелгунов Н. В.]. Очерки русской жизни. Т. III. 651. — Оба упомянутых автора — позитивисты.*

Для Пушкина вопрос еще не ясен: хоть он и обнаруживает усвоение героя «русскую хандру», но Онегин, став против пули друга, совершил бы самоубийство лишь косвенно. В этом Онегин — сам Пушкин; как Онегин-Пушкин, падет на дуэли Лермонтов, а Грибоедов от скуки отправился в Персию, чтобы там — как однажды заметил Герцен — найти смерть. Грибоедов и Лермонтов в своих произведениях интересуются самоубийством чаще и осознаннее; еще чаще и сознательней это делает Тургенев. У Тургенева необходимо особо отметить, что с наибольшей философской глубиной этот поступок у него мотивирует женщина (Клара Милич); самоубийства женщин у русских поэтов особенно бросаются в глаза, более того — представляются нам характерными, такова, например, у Толстого смерть Анны Карениной, но самого пристального внимания заслуживает самоубийство Катерины в драме Островского «Гроза». Добролюбов совершенно верно характеризует поступок Катерины как проявление силы и правильной оценки жизни*.

Толстой прямо провозгласил, что религиозная вера сохраняет жизнь, с помощью религиозной веры можно понять смысл собственной жизни, достичь силы, которая охранит человека от самоуничтожения. Неверие, утрата веры в Бога, пробуждает в человеке страх, приносит ему ощущение сиротства и одиночества, которое он не в силах вынести, а потому, по мнению Толстого, поиски Бога означают и жажду жизни, познать Бога — значит жить. Бог означает надежду.

Точно так же и Достоевский провозгласил Бога Богом жизни и бессмертия, а «логическое» самоубийство — логическим следствием атеизма⁵.

4

Растущая склонность к самоубийству имеет активную сопутствующую причину в росте психоза; психоз и самоубийство — частичные проявления современного состояния общества в целом.

Достоевский очень хорошо понял это общее состояние — хотя и в карикатурном виде — и показал его в разнообразных, душевно аномальных типах; Достоевский и сам не был вполне нормальным, но это лишь еще одно подтверждение факта, установленного применительно к современной культурной жизни психиатрами, социологами и историками культуры. Достоевский показывает,

* Добролюбов Н. А. Луч света в темном царстве (1860) // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л.: 1961–1964. Т. 6. С. 289–363.

как разные степени психоза развиваются вместе с современной культурной жизнью и возникают из нее. В этом отношении заслуживает внимания литературный план Огарева: философ-революционер, друг Герцена хотел написать драму «Художник» и изобразить в ней энциклопедиста, духовная борьба которого заканчивается душевной болезнью.

Не один Достоевский был душевно не совсем нормальным; среди русских писателей, причем самых значительных, довольно много душевнобольных, например Батюшков, Гаршин и др. Во время очередного приступа болезни Гаршин покончил с собой.

Более глубокий психологический и психиатрический анализ русской литературы, вероятно, выявил бы особые, характерные именно для России формы психоза и психопатологической неполноценности: патологическое состояние современной культуры — и особенно культуры русской — отражается в русской литературе в совершенно особой мере и совершенно характерным образом.

Прежде всего я упомянул бы алкоголизм⁶. В русской литературе мы обнаружим целую галерею портретов алкоголиков; Достоевский тоже довольно часто изображал алкоголизм, причем с психиатрической стороны. То, что среди русских писателей можно найти так много и столь типичных алкоголиков, — лишь еще одно доказательство ненормальности русских культурных условий. Почитаем, например, биографию Помяловского! Да и Языков и другие были в этом отношении характерными типами.

Я обратил бы также внимание на патологических мистиков⁷, в России их больше, чем в Европе. Я имею в виду не только патологические явления народной религиозной жизни, но и новейшие направления религиозного декаданса, этого духовного алкоголизма, в который впадают разного рода богоискатели.

Точный анализ даст и психиатрическую оценку Обломова и психологически объяснит его слабоволие. И вообще, позволим себе еще раз подчеркнуть: русская литература — лучшее зеркало культурной патологии.

5

Достоевский заострил русскую проблему, превратив ее в вопрос человеческой совести: самоубийство или убийство; однако бросается в глаза, что именно Достоевский свои крупнейшие про-

изведения посвящает анализу убийства, а отнюдь не самоубийства! Нигилизм приводит Раскольникову к грубому убийству, Ивана даже к отцеубийству. До таких выводов остальные русские поэты не дошли, они анализировали нигилистскую политическую революцию, которая развивается в русском обществе, и уделяли внимание убийству, лишь когда речь шла об убийстве политическом как крайнем средстве.

Толстой провозгласил войну — говоря языком психологии, вообще воинственность — убийством, точно так же, как Достоевский осудил как убийство политический террор; оба сняли различие между убиением и убийством.

Следовательно. Толстой этически и с точки зрения религии осудил официальную политику, так же как Достоевский — политику революционную, для обоих это царство смерти.

6

Русские «богоборцы» обычно становятся обыкновенными убийцами. Печорин убивает Грушницкого, Раскольников — беспомощную старуху, Иван мечтает о смерти старчески слабого отца. Из русских титанов вылупились Обломов и Штольц, который покорно отрекается от Манфреда и Фауста.

Тургенев пытался с философской серьезностью преодолеть Фауста. Достоевский пародировал Фауста, но оба — а также и Гончаров, и Толстой — объявили труд, повседневный труд спасением России; Достоевский обнаружил великую мудрость в идиоте. Толстой в косноязычном Акиме*. Различие между русской и мировой литературой в действительности можно сформулировать так: русская литература не создала оригинального титанизма. Гончаров целиком и полностью прав, у русских нет ни Манфредов, ни Фаустов⁸.

Хотя предрасположение к титанизму можно найти у Лермонтова, у Герцена, но линии, предрасположение. Кроме того, здесь воздействует европейский образец; мне нравится и я согласен с тем, как Тургенев разрабатывает своего Гете, особенно «Фауста», Герцен — байроновских «Манфреда» и «Каина», но комично, когда князь Вяземский («князь в аристократии и холоп в литературе»**) переводит роман Б. Констана «Адольф»*** или когда

* Имеется в виду персонаж пьесы «Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть» (1887).

** *Белинский В. Г.* Письмо к Гоголю // *Белинский В. Г. ПСС. Т. 10. С. 212–290.*

*** Роман Б. Констана «Адольф» вышел в переводе П. А. Вяземского в 1831 г.

Жуковский отваживается взяться за «Агасфера»*. Точно так же Дон Жуан в России лишается своих фаустовских черт и остается чистая карамазовщина. В русской литературе решаются не мировые или общечеловеческие проблемы, а только проблемы русские, причем сиюминутные русские проблемы, «злоба дня»⁹.

Русским хватает скромного, умеренного индивидуализма, им хватает более сильного осознания собственной личности отдельным человеком, ни один из героев Пушкина и его последователей, вплоть до Толстого, не хочет быть ни сверхчеловеком, ни Богом — каждому из них достаточно быть просто человеком.

В этом отношении русская литература ближе к французской, чем к немецкой и английской. Мюссе и прочие французы вообще пережили политическую революцию, а потому перед ними стояли более близкие цели, многие прямо вернулись к старому, немцы и англичане уже прошли через политическую революцию, даже одержали победу над Французской революцией и над Наполеоном. — Манфреды и Фаусты смело восстают против человека и Бога. Фауст становится современным гностиком. Каин и Манфред бунтуют против своего века и Всевышнего.

У русских нет Мефистофеля, тем более — Люцифера, они верят — и атеисты тоже — в старого черта, да, да, только в черта... В лучшем случае это издавна ожидаемый Антихрист. Еще Милтон, да и Байрон, превознесли сатану, поставив его на уровень титанов; со старым Богом, со старым Иеговой должен погибнуть и старый сатана. Вряд ли русские отказались от старого Бога и старого сатаны...

7

Такая особенность русской литературы может иметь различные причины: чувство собственного несовершенства и отсталости и т. п.; наверняка это связано с тем, что русские в своем развитии не достигли того субъективизма, к какому пришел Запад и какой так характерно проявился в философии, особенно в немецком идеализме. Мы видели, как энергично русские философы отвергали немецкий идеализм, особенно солипсизм (Фихте и т. п.), точно так же русские мыслители, ученики и современники Белинского, Герцена и др., боролись с субъективизмом. В своих эссе о Фаусте и Гамлете Тургенев отрицает субъективизм Канта и Фихте; он осуждает субъективизм, поскольку тот из собствен-

* См.: Жуковский В. А. Агасфер: Странствующий жид (1857) // Жуковский В. А. Сочинения: В 3 т. М., 1980. Т. 2. С. 411–451.

ного «я» творит центр всего мира, боится сомнений и неверия, возникающих из субъективизма и в конце концов восстающих против собственного «я»; Тургенев обвиняет субъективизм, видя в нем источник всепожирающего самоанализа, иронии, отрицания и недостатка энтузиазма. Этический субъективизм ведет к эгоизму. Но и эгоист не может верить лишь в самого себя; мы можем верить только в то, что находится вне нас или над нами; «краеугольный камень человека не есть он сам»* — собственно говоря, эти выводы Тургенева мы уже знаем, здесь мы их только напоминаем в связи с поднятой нами проблемой. Достоевский еще непримиримее боролся с субъективизмом, с солипсизмом, против автоапофеоза человекобога, который является прямым следствием субъективизма и индивидуализма.

Разумеется, и в русской литературе можно обнаружить различные виды и степени субъективизма; русские достигли и должны были достичь определенной ступени субъективизма, ибо оставаться на позиции абсолютного объективизма означает низшую ступень развития; Тургенев совершенно верно понял, что Новое время субъективнее средневековья.

«Ах, Боже мой, что станет говорить княгиня Марья Алексевна!» — эти последние слова Фамусова, которыми кончается комедия Грибоедова, очень хорошо характеризуют объективизм русского общества двадцатых годов и вообще предшествующей эпохи; люди живут, полностью затерянные в своем окружении. Но и Чацкий не чужд объективизма, хотя объект, в который он верит, иной; психологически он верит точно так же, как и Фамусов, только последний верит в глупую даму из общества, в то время как Чацкий — в европейскую науку и прогресс. Так же как Чацкий, и Онегин полностью занят внешним миром.

В царствование Николая I бездействие, на которое усилившейся реакцией были осуждены мыслящие люди, вынуждало больше погружаться в самих себя. Как и в Европе, в России послереволюционная реакция поддерживала субъективизм и индивидуализм. Лермонтовский Печорин — представитель этой ступени развития. От Онегина Печорин более всего отличается именно своим отношением к миру. Субъективизм и индивидуализм Печорина практически — хотя и не всегда — доходит до безоглядного эгоизма и этической индифферентности. В титаническом преувеличении индивидуализм и субъективизм представляются демонизмом. Если Чацкий верил в себя и в свое предназначение, то Печорин не верит ни в себя, ни в кого-либо другого, а потому

* Тургенев И. С. ППС в 30-ти томах. Сочинения. Т. 1. С. 216.

изолированность и скепсис доводят его до отчаяния. Проверенное средство — дуэль — лишь замаскированная попытка самоубийства; самоубийство или душевный разлад — таков конец лучших персонажей Лермонтова. Демонический герой Лермонтова может совершить и убийство, преступление влечет его, как и многих героев Байрона.

И все же печоринский индивидуализм и субъективизм еще не так экстремальны, что доказывает его вполне объективистский фатализм; он целиком отластается в руки судьбы, вера в чудо, в спасительное чудо не исчезла. Лермонтовский демон не забыл помолиться, Печорин на пути к примирению с Богом и с отечеством.

Если Печорины и Онегины были злобны и злонамеренны, то персонажи Гоголя — какие угодно, только не злобные; злоба несовместима с их ничтожностью и придавленностью, все эти Чичиковы, Хлестаковы, Плюшкины, Собакевичи, Маниловы, Держиморды, Тяпкины-Ляпкины, Коробочки, Тентетниковы и как бишь их там еще зовут — ничтожный сброд, но и в своих пороках они мелки и великими даже не хотят быть. Гоголь создал не единичный тип, но множество типов, он не индивидуалист и не субъективист, ни Байрон, ни остальные индивидуалисты на него не повлияли; он целиком погружен в созерцание своего окружения. И даже когда он анатомирует самого себя, он постоянно ищет свои свойства в других, переносит их на окружающих и социально объективирует. Его самоанализ психологически не слишком глубок, по преимуществу это самоанализ этический и социальный, довольствующийся унаследованными, объективно трактуемыми нормами.

Гордые мечты Лермонтова просуществовали недолго: Гоголь по всей форме и без оговорок возвращается в лоно русской церкви, совершенно в духе предписаний Уварова и Николая I.

Последующие русские поэты более субъективны, но на примере Тургенева мы видим, как он приглушает немецкий субъективизм своего учителя Гете, до какой степени остается объективистом. От более субъективных Рудиных он приходит к Базаровым и Соломиным; в полном согласии с эпохой социально-политических реформ Александра II Соломины временно могут разжигать огни революции, но отрицают революцию как критическую и негативную и в качестве идеала провозглашают труд, повседневный, спокойный труд. В этом за ними следуют Штольц и Тушин, а также Левин, который хотел бы заменить гложащее, самоуничтожающее отчаяние счастливой мужицкой удовлетворенностью;

мужик учит его переносить жизнь, мужицкая религия открывает ему тайну живого Бога — и он отказывается от мыслей о самоубийстве. Мужик научил его верить, а заодно и работать, и потому Левин сам становится мужиком. Точно так же и Шатов Достоевского советует Ставрогину преодолеть свой помещичий атеизм мужицким трудом; в «Мертвом доме» Достоевский познал — как сам он с гордостью говорит — подлинный народ, там он обрел Бога и Христа. Монах и его вера противопоставляются титаническому Ивану и его философии, которая ведет к преступлению, убийству и самоубийству.

Достоевский и Толстой опираются на объективный авторитет, первый — на авторитет церкви, второй — на авторитет Евангелия; однако мы знаем, что Достоевский вынужден насильно склонять себя к этому, а Толстой толкует Евангелие совершенно субъективно. У обоих субъективизм и индивидуализм обретают значительно большую силу, чем у Пушкина. Сведение религии к нравственности у Толстого возникает не без воздействия Канта и не без влияния протестантизма, о котором Тургенев совершенно верно сказал, что оно имеет субъективистский характер.

И все же для русской литературы характерно решительное преобладание объективизма над субъективизмом. Но объективизм здесь означает веру во внешний мир, в Бога, в общество и государство, в монаха и патриарха, в народ и ближнего... Борьба за собственную индивидуальность одновременно является и борьбой за веру, за старую или новую веру.

Резюме (Б)

Романтизм — реализм — современный декаданс

8

Наш резюмирующий обзор имеет целью особо подчеркнуть, что хотя мы и не рассматривали творчество множества значительных поэтов, но это не может быть возражением против возможности правильной и даже достаточно полной попытки охарактеризовать литературу от Пушкина до Достоевского и Толстого путем анализа произведений семи избранных поэтов.

Мы не только опустили многих писателей, но и не рассмотрели ряд важных литературных жанров: лирику, драматургию, басню и сатиру, — из лириков отсутствуют Веневитинов, Батюшков, Баратынский, Языков, Рылеев; из драматургов — Остров-

ский, А. К. Толстой; баснописец Крылов, сатирик Салтыков-Щедрин и многие другие.

Анализ творчества семи поэтов-писателей дает нам общий взгляд на новую русскую литературу. Пушкина и Лермонтова достаточно для характеристики новой русской лирики: других поэтов можно было бы привести как носителей различных элементов, встречающихся и у Пушкина, и у Лермонтова. Так, например, мы находим, что у Веневитинова философская рефлексия выразительнее, чем у Пушкина и Лермонтова, но и эта рефлексия у них наличествует. В лирике Батюшкова сильнее звучит меланхолия, Рылеев — политик (декабрист) и т. д.

Точно так же и более поздние из не включенных в этот перечень поэтов не дают ничего существенно нового. Если вновь обратиться к лирикам («поэтам»), то Фет, Майков. Полонский не окажутся ни на йоту сильнее романописцев того же периода, в их взглядах мы тоже обнаружим слабые, консервативные и реакционные стороны и лишь изредка сюда проникает передовое мышление. Разумеется, необходимо также точнее квалифицировать само романтическое мироощущение. Существуют прекрасные и безобразные, духовные и чувственные ощущения — со стороны ощущений люди так же, а, пожалуй, и еще больше отличаются друг от друга, чем со стороны интеллектуальной. У мистика чувства иные, чем у рационалиста, материалист отличается от идеалиста, гедонист и эпикуреец от аскета и антигедониста и т. д.

Новая и, особенно, новая русская литература характеризуется как раз тем, что анализирует эти различные ощущения и, в особенности, чувственные наклонности, чувственные характеры; если речь идет о русских аналитиках души и т. п., то подразумеваются именно попытки крупнейших художников-психологов понять современную душу, особенно со стороны чувств: поэты-мыслители по большей части являются анатомами душ.

9

Русская литература от Пушкина до Толстого по содержанию и художественно (по форме) представляет собой единое целое; это целое необходимо понимать и хронологически: за исключением Пушкина и Лермонтова, которые ушли из жизни преждевременно, все остальные развивались почти синхронно и в одинаковых условиях, так что и с этой стороны отдельные поэты выражали одно и то же, только несколько по-разному. Европейец поражает

ся, как все русские поэты, даже занимающие противоположные позиции, все же во многом выражают одно и то же.

Это целое (характеризуется) борьбой за новое жизненное мировоззрение, обусловленное развитием России и ее отношением к Европе. При Александре I, вероятно в пору войны с Наполеоном, начинается реакция, направленная против Французской революции, — не только политическая и социальная, но и философская и религиозная; в годы правления Александра I это происходило скорее импульсивно, при Николае I было систематизировано: граф Уваров противопоставил старому и устаревшему вольтерьянству, новейшей немецкой философии и французскому социализму и революционности русскую теократию как стража православия, самодержавия и народности. С пожара Москвы и вплоть до пожара Севастополя господствует продуманная теократическая реакция. После Севастополя следует эпоха реформ, но, так же как при Александре I, она была недолгой, очень скоро и при Александре II реакция возобновит еще более продуманное наступление. Эта реакция длится и по сей день.

Критика реакции и оппозиция против нее составляет содержание русской философии и литературы. Рядом с Чаадаевым, Станкевичем, Белинским, Герценом и Бакуниным, Киреевским и Хомяковым стоят Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Гончаров, Достоевский, Толстой и др.

С самого начала романтизм страдает слабостью: я обозначаю эту слабость как декаданс, имея при этом в виду вырождение, которое можно ощутить физиологически, психологически и даже психиатрически. Подготовка к революции, напряжение и перенапряжение сил во время нее, усталость и ослабление после революции способствуют зарождению декаданса, который проявляется в интеллектуальной и эмоциональной сферах, в философии и науке, в морали и политике и, естественно, также в искусстве. Растущие нервозность «...психоз Нового времени, различные симптомы вырождения, обнаруженные психиатрами, не могут не найти отражения и в искусстве. Декаданс проявляется как трусливый возврат к старому, как возврат к старым общественным установлениям, но также и к старой философии и религии, то есть к мифу и мистике; декаданс проявляется как афористичность, игра словами, нерешительность в жизненном выборе и неспособность придерживаться одного направления, как дилетантизм (в том смысле, в каком это слово употребляет Ренан»^{*}; де-

^{*} См.: *Бурже П.* Очерки современной психологии: этюды о выдающихся писателях нашего времени СПб., 1888. С. 56–57.

каданс — это недостаток оригинальности (оригинальность не как что-то новое, а по-своему пережитое, то есть декаданс означает привычку жить чужим сознанием и совестью); здесь и беспокойное стремление к новизне («модерн»), и любовь к фантастическому (О. Уайльд «Сказки»)*, декаданс проявляется в трусливом стремлении к силе («сверхчеловечество») и в трусливом понимании религии как лекарства от слабости, как пассивной надежды на чудо, и, разумеется, в нем немало различного вида сексуальной деградации. Однако декаданс содержит и попытки регенерации, не только обращением к вере, но и стремлением преодолеть вырождение и декадентство.

10

Художественно — но и философски! — идейное содержание этой эпохи предстает перед нами в формах, которые эстетика обозначает как романтизм, реализм, натурализм и, наконец, как модернизм, неоромантизм и декаданс. Этих обозначений я по возможности избегал, но полностью отказаться от такой классификации тоже нельзя.

Все эти термины еще весьма многозначны; хотя существуют довольно интересные работы, особенно о романтизме, но, признаюсь, даже лучшие из этих попыток представляются мне социологически очень нечеткими.

Под романтизмом часто подразумевается послереволюционный антиреволюционный возврат к старому, к средневековью и древности, романтическими представляются реакция и консерватизм монархизма и связанных с ним церкви и вообще теократии. Славянофилов в этом смысле тоже называют романтиками, но тот же термин применяют и к Гоголю, и ко многим авторам исторических романов, превозносящим прежние времена. Философия истории воспринимается как романтизм. Но точно так же и революционные утопии социалистов, и политика революционеров именуются романтическими. И с тем же основанием: реакция, как и революция, направлена на нечто, чего нет и что, следовательно, представляется утопическим, «романтическим».

Такая характеристика романтики по ее содержанию будет недостаточной, если не присмотреться к чувственной стороне романтических устремлений: и именно с позиции чувства романтика представляется чем-то специфическим. Чувство, особенно

* См. также: Уайльд О. Упадок лжи. Диалог (1891) // Уайльд О. ПСС / Под ред. К. И. Чуковского. СПб., 1912. Т. 3. С. 158–187.

сильное чувство, рассматривается как движущая сила или как следствие романтизма; страсть и страстность считаются главными свойствами романтика. Романтика — это стремление к чему-либо, печаль, страстность: но и сам взрыв чувств, взволнованность воспринимаются как романтические.

Это абсолютно верно: эпоха кануна Французской революции и всех последующих революций, а также эпоха самих революций и периода, следовавшего за ними, с точки зрения чувства характеризуется совершенно определенно и по-новому; это не только новые идеалы людей новой эпохи, сами новые люди чувствуют иначе, чем их предшественники. Это значит, что люди обновляются и физиологически, и психологически, короче говоря, их нервы и вся их психика пребывают в процессе изменения. И именно такой процесс ощущается как романтика, и говорят о новых людях, о новой морали, о переоценке ценностей, о сверхчеловеке и т. д. — все это лишь различные проявления чувства новизны.

Таким значением, такой сущностью романтики ни психология, ни социология научно еще почти не занимались; потому-то историки литературы столь неопределенно говорят о романтике и о противоположных ей историко-литературных категориях (классицизме, реализме и т. п.).

В России романтизм не так резко противопоставлял себя классицизму, как в Европе. Русские не пережили ни эпохи гуманизма, ни эпохи Ренессанса; классицизм они переняли от французов; однако он во многом был формой для новой философии и нового искусства. И в той мере, в какой установки новой философии и нового искусства были верны, романтизм не устранял классицизма. Этого не происходило ни в Европе, ни тем более в России. Если классицизм был явлением французским, то романтизм — немецким и английским; в Пушкине мы видим органическое соединение французского классицизма с английским и немецким романтизмом (Вольтер, Байрон и Гете).

В реализм должно быть включено все, что есть верного в классическом рационализме, и все, что есть верного в романтическом эмоционализме; если нередко реализм в чувственном плане выступает как реакция на романтизм, то это законное преувеличение всякой реформации, преувеличение оправданное, поскольку романтизм санкционировал и чувства слабые, грубые и, вообще, неестественные.

С таким реализмом мы сталкиваемся уже у Пушкина, и именно таким реализмом Пушкин воздействовал больше, чем Гоголь, которого объявили главой «натуральной школы». Только позднее

русские ощутили в европейской философии, науке, литературе и искусстве, что такое настоящий позитивизм; и этот позитивизм мышления и чувствования противопоставляется позитивизму николаевской теократии. Царь Николай своей весьма определенной и ясной реакционностью способствовал определенности и позитивистской четкости оппозиции.

Нигилизм — одностороннее проявление жажды правильности, точности, ясности и правды, однако правда не есть лишь атрибут мышления, существует и правда чувствования; когда философский натурализм под влиянием импонирующих многим природоведения и техники прославляли как форму защиты естественного чувства, то в этом заключалось законное стремление к правдивому, правильному, естественному чувствованию. Но когда всякое чувство, всякое чувственное расточительство, чувственный материализм, особенно в половой жизни, считались естественными — это было как раз проявлением слабости.

Разумеется, развитие литературы и различных жанров происходит не в отрыве от развития и изменения общественной организации, а потому русская литература обладает своими, собственными только ей чертами, во многих отношениях отличными от таковых литературы европейской.

Россия была и до сей поры остается аграрным обществом, это аграрное государство; массу земледельческого населения держат в подчинении аграрные аристократы, аристократы-землевладельцы. Царизм и его теократический абсолютизм экономически и социально базировались на натуральном хозяйстве экстенсивной аграрной системы. Философы, как и художники, были аристократами; философия и искусство не предназначались народу; философ и поэт читает, говорит, пишет и мыслит по-французски или на каком-нибудь другом иностранном языке; формула *l'art pour l'art** сама по себе оправданная (если она означает, что художник должен жить только ради своего искусства), понимается аристократически (например еще у Пушкина), лишь позднее сознательно выдвигается противоположный лозунг и девизом русского искусства становится правда. Почти повсеместно все меньше внимания уделяется форме, стилю — ведь стилистами не были ни Достоевский, ни Толстой. С указанной точки зрения также вполне объяснимо, почему аристократ, в особенности помещик, и крестьянин — главные фигуры русских литературных произведений. Отношение господина к слуге дано самой природой; к этому можно добавить монаха, офицера и торговца

* Искусство для искусства (фр.).

(старорусского купца!). Правовое устранение неравенства и установление экономического и социального равноправия слуги стоят в центре неизбежных реформ. В прежнее время на первый план выдвигался «чиновник», служащий петровского государства, а недавно важными фигурами стали фабрикант, предприниматель и фабричный рабочий; примерно с восьмидесятых годов заметно возросло воздействие европейского и русского капитала, а в связи с этим — города и городского и деревенского пролетариата. Социализм (народничество и рабочий социализм) превратился в одну из важнейших проблем. Интеллектуалы уже рекрутируются из всех слоев общества, все более — из средних сословий, из крестьян и рабочих, возникает неорганизованная масса пролетариев-интеллигентов; женщина становится равноправной и начинает выполнять все более важные и относительно решающие общественные задачи. Критика, оппозиция и революция, некогда аристократические, обретают характер крестьянской и рабочей революции.

Так русская литература превращается в рупор русской революции и реакции, в инструмент борьбы за новое, высшее, понимание мира и жизни, за новую, высшую, ее организацию.

Как и всюду, литература — обвиняемая защитниками старого [порядка] в критицизме и пустых нападках («обличительная литература»), в отрицании и нигилизме, — уже давно выступает в роли помощницы позитивных и творческих общественных сил. Многократно обвиненный во всех грехах и оклеветанный нигилизм становится не только философским, но и литературным, художественным первопроходцем в создании новой жизни. Русские поэтические мыслители — догматики новой веры, новой оценки жизни. В этом историческое значение русского реализма.

